

Джин Макин

БРОСИТЬ
ВЫЗОВ
КОКО
ШАНЕЛЬ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М15

Jeanne Mackin
THE LAST COLLECTION

Copyright © 2019 by Jeanne Mackin
All rights reserved
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Anatolir / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Перевод с английского *Алины Галочкиной*

Макин, Джин.

М15 Бросить вызов Коко Шанель / Джин Макин ;
[перевод с английского А. Галочкиной]. — Москва :
Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-194965-5

1940 год, Париж. Столица мод в страхе перед угрозой войны, и все высшее общество старается провести каждый бал так, словно он последний.

Закружившись в этом блеске, Лили решает остаться в Париже и устраивается в бутик Эльзы Скиапарелли, оказавшись меж двух огней: с одной стороны, эксцентричная Скиапарелли, с другой – аскетичная, но устремленная к роскоши Коко Шанель. У каждой своя судьба, свои предпочтения в одежде и свои мужчины.

Две совершенно разные женщины, объединенные страстью к своей работе, каждая по-своему изменившая мир.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-194965-5

© Галочкина А., перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ЧАСТЬ I
СИНИЙ

Из трех основных цветов синий таит в себе наибольший парадокс: это цвет тоски и печали, но в то же время цвет радости и новых свершений. Ночью с корабля видно, как синяя вода сливается с синим небом, поэтому синий — это цвет, означающий отсутствие границ и пределов.

Если бросить соль в огонь, пламя станет синим. Соль, попавшая на рану, возобновляет боль, усиливает ее. Видеть, как другие целуются и обнимаются, сродни соли на ране, сродни голубому пламени, обжигающему меня с ног до головы.

Синий лучше всего отражает противоречивость сердца, потребность быть любимым и опекаемым, но в то же время стремящимся к свободе.

Синий — это цвет уртовского платья, которое Эльза Скиапарелли, будучи маленькой девочкой, нашла на своей дровянской веранде, а также цвет дешевых романов, обнаруженных Коко Шанель на гердаке приюта.

Синий — это то, что сделало фирменный цвет Эльзы Скиапарелли, «шкурующий розовый», столь особенным: розовый с примесью синего, превращающий скромный румянец в электрическую волну. Добавив нотку синего, Скиапарелли превратила девичий розовый в цвет соблазнительницы.

Конечно, синий — это парижское небо в июньский день.

Послушайте — я поведаю вам историю, в которой, подобно трем основным цветам, переплетутся три главных элемента: политика, мода и, конечно, любовь.

1

.....

Нью-Йорк, 1954

— Это вам. — Лиз, ассистентка галереи, протянула мне телеграмму.

Бледно-голубая бумага, жирные синие буквы. Я нервно повертела ее в руках. За время войны мы привыкли бояться телеграмм. Война закончилась, и тот, кому было суждено, уже вернулся домой, но остался страх прочитав: «С горьким сердцем сообщаем вам, что...»

— Не откроете? — спросила она.

— Да, да. — Я колебалась. Единственные люди, которых я любила и которые все еще оставались рядом, жили всего в нескольких кварталах отсюда, в центре. Если бы у них что-то случилось, вряд ли бы они послали телеграмму; они находились на расстоянии одного телефонного звонка. *Открывай*, приказала я сама себе.

Я села на ящик и стала разрывать бумагу полуманьями ногтями, напоминая себе, что иногда телеграммы сулят и хорошие вести. Такое бывает.

Сообщение было кратким:

Приезжай в Париж. Нам нужно увидеться.

Скиан.

Эльза Скиапарелли. Конечно, Эльза из тех, кто отправляет телеграммы вместо того, чтобы позвонить за океан, и дело не в стоимости звонка, а в одной из ее многочисленных фобий и суеверий: она ненавидела телефоны.

Шум галереи на Мэдисон-авеню — удары молотков, жужжание рулеток, скрежет приставных лестниц, передвигаемых по полу, — внезапно стих. Нью-Йорк растворился в пространстве, и я снова оказалась в Париже.

Я закрыла глаза и представила аккордеониста на углу улицы Сент-Оноре, игравшего «Поговори со мной о любви», гортанный смех Скиап, когда она рассказывала очередные сплетни своей ассистентке Беттине. Обычно все они были о Коко Шанель, ее главной сопернице. Чарли, красавчик в смокинге, белокурая дива Аня, заставляющая всех в баре «Ритца» привстать со своих мест и повернуться. Вкус крепкого кофе, запах хлеба, цвета, сияние Эйфелевой башни, средневековые витражные розы в окнах церквей.

Сколько уже лет прошло? Мне было двадцать пять, когда я познакомилась со Скиап в Париже. Ей было сорок восемь — всего на девять лет больше, чем мне сейчас, и я считала ее старой, хотя она никогда такой не была. «Женщины не стареют, если их одежда всегда остается новой, — сказала она мне однажды. — Взрослые женщины не должны одеваться по-детски, но они также не должны воспринимать возраст как что-то неизбежное. В моде это точно не так».

После войны наши со Скиап пути разошлись, нам не терпелось вернуться к жизни, к тому, что было поставлено на паузу, и обрести то, что было утрачено. Конечно, нельзя вернуться назад. Время — это стрела, которая смотрит только вперед. Я хорошо усвоила этот урок. Если слишком часто оглядываться в про-

шлое, превратишься в соль, как жена Лота. В соль, которая горит синим.

В любом случае зачем Скиап так «нужно» увидеться со мной? Почему бы просто не написать «хочу» или потребовать встречи, как она любила делать? Обычно Эльза добавляла в свои послания капельку драматизма, капельку собственной важности и эго, которые часто встречаются у крайне целеустремленных и успешных личностей. Она заслужила эту драму, так как была очень знаменитой, некоторые бы даже сказали — печально известной Эльзой Скиапарелли, дизайнером самой красивой, а иногда и самой странной женской одежды, которая когда-либо появлялась на свете.

— Плохие вести? — Ассистентка поставила на пол деревянную раму, которую несла.

— Нет. Не могу сказать точно... Это от одной старой подруги. Из Парижа.

Она картинно вздохнула. Сотрудница галереи мистера Розенберга была очень эмпатичным человеком. Такие люди могут обнять безо всякой причины, а стоит им заподозрить, что у вас что-то случилось, они возьмут вас за руку. Мне нравилось это качество и то, что ее руки, бледные и худые, напоминали об Ане.

— Париж. Я бы с удовольствием съездила однажды. Вы же там были, не так ли?

— Да. Была. — То еще было времечко. — Мы почти закончили. Может, на сегодня все?

Мне требовалось подумать о телеграмме и принять решение.

— Но мы должны оформить выставку к понедельнику.

Ассистентка выглядела более встревоженной, чем обычно: мы готовились к моей первой выставке в знаменитой галерее Розенберга, и к этому нельзя было

относиться легкомысленно. Мне доводилось участвовать в нескольких групповых выставках и даже продать пару картин, но, если в этот раз все пройдет хорошо... это станет большим шагом.

Лиз взглянула на телеграмму, которую я все еще держала в руках.

— Ну хорошо, — согласилась она. — Закончим завтра. Отправляйтесь домой.

Точно такие же слова сказала мне Скиап много лет назад. Жизнь делилась на рефрены, возвращая меня в прошлое.

Эхо ее фразы не испугало меня, однако перечитывание телеграммы наводило ужас. *Приезжай в Париж. Нам нужно увидеться.* Точно так же писал мой брат Чарли шестнадцать лет назад.

Конечно, я поехала — в обоих случаях было невозможно поступить иначе. Когда Лиз начала прибираться, я нашла клочок бумаги и принялась составлять список, необходимый для любого сложного путешествия, совершаемого в напряженное время. Я останусь на открытие, а потом полечу на самолете в Париж. На самолете! До войны океан был заполнен пароходами, курсирующими туда-сюда; теперь же люди путешествовали по воздуху. Дешевле. Быстрее. Скиап была одной из первых, кто совершил трансатлантический перелет, ей нравилась возможность завтракать в Париже в понедельник, а во вторник уже быть в Нью-Йорке.

Лиз сложила стремянку и еще раз озабоченно посмотрела в мою сторону поверх своих очков, которые всегда носила очень низко. Так же делала Коко Шанель, когда думала, что ее никто не видит.

За окном галереи на Мэдисон-авеню бурлила жизнь: Нью-Йорк оправился после войны. Полки магазинов по соседству были забиты; витрины «Бонвит

Теллер», «Мэйсис» и «Хенри Бендел» выглядели роскошно. Город стал сильнее, чем когда-либо, как больной гриппом, который после нескольких дней, проведенных в постели, проснулся и внезапно обнаружил себя здоровее. Мамы и няни гуляют с сытыми детьми, на женщинах новые послевоенные пальто и платья, в основном «Диор» или его копии, и новый образ включает в себя километры ткани на пышных юбках, говорящие о богатстве и процветании, и узкую талию, добавляющую женственности.

Женщины на Мэдисон-авеню выглядели такими веселыми в своих новых нарядах, мода на которые должна была вернуть миру величие или, по крайней мере, нормальную жизнь. Одежда — это не просто одежда, учила меня Скиап. Это настроение, желания, качество нашего внутреннего мира и наши мечты, выставленные напоказ. Внешний вид женщины становится символом мечтаний и надежд целого поколения. По словам моей подруги, одежда — это алхимия, философский камень. Вторая кожа, которую мы вправе выбирать, преображающая сила искусства, которую мы носим на спине.

Во время войны женщины заполняли нехватку рабочих рук на заводах по производству боеприпасов, проводили одинокие ночи на крышах небоскребов, прислушиваясь к злобному рычанию мессершмиттов. Некоторые ухаживали за ранеными в Нормандии или Арденнах. Теперь все закончилось. Женщины сидели дома, создавали семьи. Нью-Йорк был полон младенцев и колясок, а благодаря новым бюстгальтерам женская грудь стала такой же пышной и точеной, как оружие.

Но время от времени мимо окна проходили и женщины с иным выражением лица, заставляя меня вздрагивать: потеря нарисовала темно-синие тени

вокруг их глаз перманентным маркером. Мое лицо выглядело точно так же во время войны, когда я открыла свою телеграмму со словами «С горьким сердцем сообщаем вам, что...»

Я смотрела в окно галереи, пока Лиз не вышла из кладовки, позвякивая ключами. В следующий раз, когда я посмотрю в окно, передо мной будет не Мэдисон-авеню, а Вандомская площадь, вид на которую открывался из бутика Скиап в том элегантном и знаменитом округе Парижа, который охранял Наполеон с высоты своей колоннады. Наполеон и его маленькие солдатики. Вот только без Чарли. Без Ани... и без многих других.

Что ж, Скиап. Послушаем, что ты хочешь мне сказать. Может, у нее появились новые сплетни о Коко Шанель, ее старой сопернице? Эта мысль заставила меня улыбнуться. Как в старые добрые времена, полные злобы и веселья...

Нет. Не будет. Ничто уже не будет таким, как было раньше.

А потом я вспомнила о еще более давних днях, о долгих печальных днях, когда я еще не познакомилась со Скиап и когда, несмотря на молодость, думала, что моя жизнь уже закончена.

Англия, 1938 год

В жизни случаются моменты идеальных совпадений, когда звезды выстраиваются так, как нужно. Каждая обыденная деталь, начиная с подгоревшего утреннего тоста и заканчивая зацепкой на новых чулках, оказывается решающей, как будто сама вселенная становится вопросом, требующим ответа. И от этого ответа зависит вся ваша жизнь.

Остаться или уйти?

Такой момент наступил для меня 6 июня 1938 года.

— Тебе телеграмма, — сказал Джеральд, школьный медик, мой куратор и в прошлом мой шурин. К тому времени мы оба распрощались с любыми семейными узами, ограничиваясь чопорными приветствиями и холодными кивками, когда встречали друг друга в школьных коридорах или собирались, чтобы обсудить работу.

Телеграмма, лежавшая у него на столе, уже вскрытая, была из Франции. Поскольку я работала в школе, Джеральд решил, что любая моя корреспонденция касается исключительно работы и он имеет право прочитать ее. Но в этот раз он оказался не прав.

— От твоего брата, — добавил он, но не передал мне конверт. Мне пришлось протянуть руку и самой взять его со стола.

Приезжай в Париж. Хочу увидеться. Приехал из Бостона, буду тут все лето. Встретимся в кафе «Dö Маго». 9 июня. Два часа дня.

Сарли.

Я перечитала записку дважды, затем сложила ее и сунула в карман.

— Ты ведь не поедешь, — сказал Джеральд, отрываясь от папки с медицинскими картами. — Повидаться с братом.

Его взгляд был ледяным. Я не винила его за это и не была удивлена. Если бы ситуация была обратной, если бы я считала, что Джеральд виновен в смерти моего брата, я бы смотрела на него точно так же и даже хуже, взглядом дракона, дракона, который желает его испепелить.

— Не поеду? — переспросила я.

— Занятия еще идут. Семестр не закончился.

— Конечно, — кивнула я. — Вот заметки за неделю.

Я вела записи о девочках, посещавших мои уроки рисования, особенно о тех, кто болел, и Джеральд, будущи школьным доктором, прилежно их читал. Школа-интернат имела прекрасную репутацию в плане обучения и ухода за особенными девочками, теми, кто отличался серьезными и долговременными проблемами со здоровьем. У нас было несколько выздоравливающих от полиомиелита, неспособных уверенно ходить, которые нуждались в ежедневном лечении и физических нагрузках, и девочка с таким сильным заиканием, что она еле могла говорить. В школе они могли получать должное лечение, одновременно общаясь со сверстницами.

Ведение записей об ученицах было одним из пунктов моего контракта со школой. Взамен в контракт входило бесплатное жилье и питание, а также приличная, если не сказать щедрая, зарплата. Два года назад после похорон Аллена, когда я понятия не имела, как и где мне жить, эта работа казалась разумным решением. Предложение, поступившее от школы, было своего рода ответом и означало, что я смогу остаться там, где была счастлива с Алленом.

Передача этих заметок стала восприниматься как предательство учениц, подрыв их доверия. Искусство начинается как приватное исследование мечтаний и желаний, которое должно храниться в тайне до тех пор, пока художник не решит, что оно готово к аудитории. Мои заметки Джеральду выдавали те секреты, которые я видела в картинах и отмечала во время разговоров в классе. А что насчет тех темных уголков сознания, которые нужно оставлять лишь себе, тех таинственных закоулков, куда другие не могли

бы вторгнуться со своими «следует» и «не следует», всякими фрейдистскими теориями и авторитетными предписаниями?

Флорри, тихая девочка с рыжими косичками, вчера призналась, что нарисовала набросок обнаженного мужчины, но порвала его прежде, чем кто-либо смог его увидеть. *В следующий раз, сказала я, сначала покажи его мне.* Рисовать руки и ноги, со всеми костями и сухожилиями, — сложно. Все остальное на самом деле довольно легко. Взгляните на статуи Микеланджело. Простая геометрия.

Флорри, будучи умной девочкой, хватило ума не захихикать. Через несколько лет она выйдет замуж. А потом станет матерью, занятой, ответственной женщиной, хранящей на чердаке сундук, полный неиспользованных художественных принадлежностей.

— На этой неделе заметки вышли какими-то скудными, — отметил Джеральд, все еще не глядя на меня.

— Не о чем было писать. — Конечно, я не собиралась раскрывать ему растущее любопытство Флорри к мужскому телу. — Отвратительная погода, не так ли?

Дождь барабанил в окна, стекая вниз печальными ручейками. *Не поехать в Париж? После того, как Чарли попросил увидеться с ним?*

— Полезно для растений. — Джеральд изучал аккуратно разложенные по его столу бумаги, отодвигая и сортируя их и как бы намекая тем самым, что встреча окончена.

— Столько зелени, — сказала я.

Зеленый — это производный цвет, получаемый путем смешивания желтого и синего. Синий — небо, желтый — солнце; *хлорос*, или зеленый, — природа. И в этом вся проблема: только истинная зелень природы выглядит естественно. Вся остальная зелень вы-